Газета «Вести» продолжает серию публикаций, посвященных 165-летию героической обороны Петропавловского порта в 1854 году, по материалам сборника «Защитники Отечества» Дальневосточного книжного издательства (1989). Составитель сборника Б. П. Полевой.

Сегодня вниманию читателей представляется письмо лейтенанта Константина Пилкина, одного из участников обороны Петропавловского порта в августе 1854 года.

Вячеслав Скалацкий

Предисловие Б. П. Полевого

Лейтенант Константин Павлович Пилкин прибыл в Петропавловск на фрегате «Аврора». Во время Петропавловского боя ему было 24 года (он родился 26 декабря 1829 года). Он командовал одним из отрядов, штурмовавших Никольскую гору. За проявленное геройство был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и произведен в капитан-лейтенанты. Генерал-губернатор Восточной Сибири И. Н. Муравьев, оценив деловые качества Пилкина, в 1855 году отдал распоряжение о назначении К. Я. Пилкина командиром знаменитой паровой шхуны «Восток» (вместо В. А. Римского-Корсакова).

В 1856–1859 гг. он командовал военным кораблем «Абрек».

С 1888 года Пилкин был председателем морского технического комитета, а с 14 мая 1896 года был полным адмиралом.

Письмо к матери было впервые опубликовано историком флота Андреем де-Ливроном в 1911 году в «Морском сборнике» (№ 3, с. 13–27). Обширные цитаты из этого письма также приводились и в книге А. де-Ливрона «Петропавловский бой» (к 60-летней

годовщине). СПб, 1914, с. 4, 7 и 10.

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Всемогущий Бог даровал нам победу! Славную, блестящую победу над впятеро сильнейшим неприятелем, и после благодарения милосердному Богу первым моим делом спешу поделиться радостью с тобой, моя неподражаемая, дорогая маменька, и уведомить, что благодаря твоим молитвам Бог хранил меня, и что в настоящую минуту я здоров как нельзя лучше. Напрасно сожалел я, что заброшенный на другой конец нашей славной России, я буду принужден оставаться в бездействии и только слышать отголосок славных битв нашего Отечества. Нет: добрая судьба одарила нас такою битвой, какой смело могут завидовать наши сослуживцы. И в этой битве, или, вернее сказать, битвах, потому что их было несколько, первое место занимает фрегат «Аврора», и ему принадлежит большая половина победы. Но я лучше постараюсь, в нескольких словах, передать тебе, моя бесценная маменька, все дело; уверен, что подробности не утомят тебя, потому что они будут касаться одного из сыновей твоих.

Узнав об объявлении войны Франции и Англии, фрегат наш не пошел в Татарский залив, как предполагалось прежде, а послан был туда из Петропавловска тендер, чтобы узнать, должен ли фрегат, по изменившимся обстоятельствам, остаться в Петропавловске для защиты порта или все-таки идти по первому назначению. Между тем пока тендер еще не возвратился, мы, имея в виду, что нападение неприятеля хотя и сомнительно на Петропавловск, по его отдаленности, но все-таки не невозможно, и стали думать о его защите: фрегат был поставлен поперек входа в гавань, чтобы неприятель мог попасть в нее не иначе, как перешагнув через фрегат, а это было бы только тогда, когда вместо фрегата остался бы лишь его остов. Потом со стороны фрегата, не обращенной к неприятелю, сняли пушки и устроили на берегу батареи, впрочем, по неимению средств, очень, очень плохие и, наконец, самое главное, дали Петропавловску пороха, которого он имел очень немного. Приготовившись так, хотя мы и видели, что всего этого недостаточно для отражения неприятеля, но больших средств не было, да и уверенность, что неприятель не пойдет далеко для какой-то деревушки, называемой Петропавловским портом, делала нас покойными. Но в один прекрасный день, именно 17-го августа, с маяка сделан был сигнал, что видна в море военная эскадра из 6 судов. Не было никакого сомнения, что это неприятель и в такой силе, какой никогда здесь не ожидали, никогда не думали, чтобы сюда могло прийти более двух судов; и трех для Петропавловска было бы достаточно. Но рассуждать было

некогда: часа через два после сигнала показался пароход во входе на рейд, сначала без флага, но, приближаясь к порту, поднял американский; к нему послали шлюпку, но он, увидя ее, поворотил и ушел в море. Несмотря на то, что невозможно было предполагать, чтобы англичанин или француз решился войти под чужим флагом и еще войти в неукрепленный Петропавловск и тем запятнать честь свою, его странный уход заставлял подозревать в обмане и не дремать; толкам и суждениям не было конца; одни, в том числе и я, уверяли, что англичане никогда не решатся на такой низкий поступок, другие говорили, что они способны на все, и утро следующего дня показало, что последние были правы. Один за другим вошли на рейд два фрегата в 52 и 44 пушки и пароход трехмачтовый 10-пуш. с бомбическими наверху и мортирами под английским флагом, и контр-адмирал на одном из фрегатов; за ними, под французским флагом, контр-адмиральский 60-пуш. фрегат, потом 32-пуш. корвет, или, по-нашему, фрегат малого ранга, потому что у него закрытая батарея, и, наконец, 18-пуш. бриг. Итак, атаковать Петропавловск пришли два адмирала с 216 пушками и по числу судов, которые почти все были нашими знакомцами, которых мы встречали, плывя вокруг света, с командою из 2 250 челов., по крайней мере, и пришли против деревеньки, имеющей всего, не считая фрегатских 15 орудий, 450 или много 500 челов. команды и, по счастию, 330 армейских рекрут, привезенных всего за полторы недели, и хотя более похожих на мужиков, чем на солдат, но все-таки значительно усиливших гарнизон Петропавловска. Когда неприятельская эскадра подошла под выстрелы крепости из 5 пушек, ей тотчас же салютовали, но этот салют был ядрами и верно был не по вкусу англичанам и французам, потому что они тотчас же стали держать далее, но не замедлили ответить на вежливость вежливостью и осыпать нас изрядным числом бомб, ложившихся по обе стороны фрегата, но, но определению божию, не сделавших нам другого вреда, как посадить в борт фрегата два-три осколка. Обменявшись выстрелами, неприятель отошел от батареи и стал на якорь вне выстрелов, в так провел 18-е и 19-е числа, мучая нас ожиданием. 20-го с утра заметили на эскадре движение, и к 8 час. пароход с тремя фрегатами на буксире поместился против 5- и 11-пуш. батарей (не правда ли, равные силы?). Если я скажу, что дождь ядер и бомб сыпался на эти бедные батареи, то это не будет нисколько преувеличено. Фрегат стоял возле 11-пуш. батареи; но неприятель поместился так, что был закрыт горою от нас, на которой была 5-пуш. батарея; часа полтора, кроме визга ядер, ничего не было слышно, 11-пуш. батарея палила редко, потому что ее ядра худо доставали неприятеля, между тем как он, имея большой калибр, осыпал ее ядрами. 5 пуш. батарея была ближе к нему и действовала хорошо, но через 1,5 часа в полном смысле слова была засыпана землей и осколками камня и должна была замолчать. Мы страдали бездействием; но вот когда перестала палить 5-пуш. батарея, пароход вышел из-за горы; мы только того и ждали, и в момент фрегат опоясался лентой огня; пароход ответил нам бомбами, но второй залп заставил его поторопиться дать задний ход и убраться подалее: еще раза два пробовал пароход показываться из-за мыса, но каждый раз наши выстрелы верно были ему не по вкусу и заставляли удаляться. Часов в 11 неприятель приготовил десант и свез его на берег вне выстрелов; от нас тотчас же также свезли партию против десанта, а между тем, когда неприятель приблизился, стали потчевать его ядрами. Не знаю цели неприятельского десанта и даже думаю, что это был только осмотр местности, потому что едва только наши ядра стали хватать его и стрелки, посланные ему навстречу, обменялись несколькими выстрелами, как он отступил, и все суда отошли от батарей, но

через час три фрегата и пароход поместились снова против 11-пуш. батареи, но опять на таком расстоянии, что та, бедная, не могла действовать, и их большие орудия осыпали ее, и надо отдать справедливость, выстрелы их были великолепны, все ядра ложились в батарею, но та, как бы хранимая невидимою силой, не уступала их усилиям, а защищенная земляным валом, устроенная на твердом грунте и осыпаемая, как 5-пуш., осколками камня, оставалась, если не невредимою, потому что 7 орудий были уже подбиты, но хранимая Богом, она еще выдерживала канонаду, и когда огонь неприятеля редел, она, как бы дразня его, посылала ему выстрелы и тем заставляла его снова делать залп за залпом, а между тем прислуга батареи, эти герои, достойные имени русского, спокойно сидели за валом и даже некоторые курили трубки, а мальчики из кантонистов от 10 до 12 лет, назначенные на батареи для подавания картузов, спускали от нечего делать (под ядрами) кораблики. Командир батареи хладнокровно один ходил взад и вперед и только изредка говорил: «Такой-то нумер, пали». Командир батареи был князь Максутов 2-й. Только единой помощи Бога можно отнести, что эта батарея, осыпаемая тремя фрегатами и пароходом с 8 час. утра до 7 час. вечера, могла устоять и потерять во весь день всего 4 убитых и 6 раненых, в том числе 10-летнему мальчику оторвало руку, и он еще, улыбаясь, говорил: «Слава Богу, ведь это за батюшку царя». Надо думать, что по этой батарее сделано от 400 до 500 выстрелов. И после всего этого она была в ночь исправлена, и вновь все 11 орудий могли действовать, как ни в чем не бывало. К вечеру, когда неприятель мог думать, что эта батарея уже сильно повреждена, он показался из-за мыса к нам, но пароход, осыпанный снова нашими ядрами, повторил утренний маневр и удалился. По-всему, мы должны были ожидать на следующий день, что будет наша очередь переведаться с неприятелем; план его был виден: он хотел поочередно уничтожить батареи и потом фрегат, и мы ждали следующего утра, как решительного. Я написал к тебе, моя бесценная maman, коротенькое письмо, помолился богу, взял к себе на грудь образ, которым ты вместе с папенькой меня благословила, и, сделав все это, был покоен, прося только об одном Бога – дать мне твердость быть достойным имени русского и имени отца моего, и если Бог судил мне пасть, то пасть со славою. Трудно было бороться фрегату против всех сил неприятеля, нельзя было сомневаться в результате борьбы этой, но смотря на спокойное, благородное лицо нашего капитана, на его хладнокровную распорядительность, можно было быть уверенным, что фрегат «Аврора» не будет пятном русского флота. И как изменился в эти дни Иван Николаевич (капитан II ранга Изыльметьев, командир фрегата «Аврора»), его доброе лицо носило печать какой-то гордости, и приказания его были коротки, но отдавались таким голосом, что, уверен, не нашлось бы ни одного человека, который осмелился возразить на них, и теперь-то я понял, что можно быть и не светским, и не щеголем, и в то же время быть капитаном, какого другого, уверен, нет. Наступил день, но, к нашему удивлению, неприятель не трогался и не спешил осыпать нас таким же числом бомб и ядер, как вчера 11-пуш. батарею. Пароход был накренен на одну сторону и чинился; оказалось, что наши гостинцы были посланы ему недаром. Весь день прошел в бездействии, и только мы сделали три выстрела по шлюпке, которая осмелилась подъехать довольно близко, и видели, как обрызгало всю шлюпку водой упавшее возле самого борта шлюпки ядро и как засуетились на этой шлюпке, чтобы скорее удалиться от опасного соседства. На наши выстрелы французский фрегат ответил бомбой и тоже очень удачно; она упала возле самого фрегата. Так прошел весь день; на следующий – то же спокойствие,

только стук у парохода показывает, что его повреждения не малы. 23-го то же бездействие. Наконец наступило утро 24-го августа – утро для нашей славы. Еще было темно, когда заметили у неприятеля движение; все 6 судов снимались с якоря, и вот в 7 час. загудели бомбы и конгревовы ракеты. Неприятель имел против нас миллионы преимуществ: буксируемый пароход, он становился вне выстрелов наших батарей и фрегата и под прикрытием гор осыпал город, а вместе с тем и фрегат наш бомбами, не давая нам средств сделать ни одного выстрела. В этот день бомба за бомбой рвались над нашим фрегатом, но Бог еще хранил нас, ядра сыпались к нам и наделали-таки немало беды: перебили грот-мачту и множество такелажа, и все это без выстрела с нашей стороны, это было досаднее всего; находиться под ядрами и быть в бездействии несносно. В 9 час. нападения неприятеля сделались решительны, пароход подвел два фрегата к батарее из 5 пушек, взятых с нашего фрегата и поставленных на берегу, но не прикрытых валом, потому что по местности это было бы нельзя; иначе бы нельзя было ворочать пушки и давать им направление к неприятелю; батареей командовал князь Максутов 1-й, который служил у нас на фрегате. Осыпаемый ядрами, ничем не прикрытый, он хладнокровно стрелял по неприятелю – двадцать раз сильнейшему и стрелял с успехом, ни одно ядро не пропало, но через 1/2 часа – половина людей ранена, 4 орудия подбиты, и остается только одно, и то наводит сам Максутов, но все выстрелы направлены на него, и, наконец, он падает с оторванною рукой. Между тем остальные суда неприятеля обстреливают весь берег, и как Петропавловск не богат батареями, то обстреливают безнаказанно, только Бог, наш защитник, не допускает зажечь город, хотя бомбы и сыплются кучами. Канонада страшная, и надо думать, что неприятель под ее прикрытием предпримет что-нибудь решительное. Действительно в начале 9-го часа он повез десант к берегу, и как наши не могут остановить его батареями по очень простой причине, потому что Петропавловск – не Кронштадт, и батарей здесь не много, и высадиться очень легко, там где их нет, то неприятельский десант и высажен в числе, как мы после узнали, 676 челов. Десант высажен совершенно в другой стороне от фрегата, и мы в неведении, что там делается и в каком числе десант, слышим только быстрый ружейный огонь, смешанный с пушечною пальбой с неприятельских судов, и ожидаем, что могут и на фрегат напасть с другой стороны. Но вот посланный от губернатора просит капитана о помощи, говорит, что неприятельский десант в больших силах и занял уже гору, господствующую над городом, и что у губернатора всего против неприятеля 120 челов., и что остальные люди – по батареям, которые нельзя оставить без команды. У капитана также фрегат, который тоже нельзя оставить без людей, но он слышит по выстрелам, что неприятель идет вперед и что задумываться некогда, он спокойно, как на ученье, вызывает партии и отправляет их одну за другой на подкрепление, хладнокровно давая совет командующим офицерам: в первой партии идет лейтенант Анкудинов, во 2-й – мичман Фесун. Но вот и на горе, против фрегата неприятель, и пули его направлены по фрегату; капитан вызывает 3-ю партию, приказывает мне идти и согнать неприятеля, хладнокровно, как будто за рюмкой вина, говорит: «Помните, что русские молодецки ходят в штыки». Партия моя переправляется на шлюпках под пулями и покойно поднимается в гору, между тем как 1-я и 2-я партии с нашего фрегата обходят с другой стороны гору, и потом, через минуту, со всех сторон раздалось русское славное «ура», и неприятель сбит повсюду; напрасно с неприятельских судов, стоящих возле самого берега, сыплют картечью и бомбами: уже поздно, французы и англичане бегут без

оглядки, только все тропинки на горах уже заняты нашими, и им приходится выбирать – или штык, или почти опасный спуск с горы, сажен в 30; они выбирают последний, но наши пули заставляют их торопиться, и половина из них ломает себе на этих горах головы. Неприятельские шлюпки едва успевают подбирать падающих, но в этой суматохе подходят слишком близко к берегу, становятся на мель, и наши пули поражают тех, кто умел избежать опасности спуска с гор. Напрасно неприятель к прежним 676 челов. посылает подкрепление, наши партии, раз взявши верх, не уступают ни на минуту. С нашего фрегата, во всех трех партиях было послано 100 челов., да у губернатора было 120, наконец, положим, что еще после присоединилось хоть 80 челов., итак, наших 300 сбило 676 англичан и французов, лучших людей в свете, а притом вспоможествуемых своими судами, не перестававшими посылать бомбу за бомбой. Едва гребные суда отвалили от берега, как фрегаты, бриг и пароход снялись и отошли совсем от порта к противоположному берегу, где, став на якорь, занялись исправлением повреждений, которые, несмотря на наши ничтожные батареи, были значительны. На другой день все утро неприятель возил на берег хоронить убитых; надо к чести их сказать, что они старались всех раненых и убитых забирать с собой и нередко для того, чтобы взять убитого, жертвовать жизнью другой, несмотря на это, все-таки много оставлено убитых на берегу – 4 офицера и 40 рядовых; в числе офицеров взят убитый, командовавший десантом, у которого нашли план атаки и число людей в десанте; они предполагали завладеть городом, взять фрегат невредимым, но они не знали, что командир фрегата – Изыльметьев. Наша потеря тоже немаловажна: убитыми и ранеными около или немного более 100 челов., но потеря неприятеля должна быть втрое, вчетверо; надо было видеть, как эти несчастные валились с гор. Не знаю, что скажут после, но тотчас после сражения, когда человек помнит еще, что он был на волоске от смерти, и потому боится неправды, все единогласно признавали спасительницею города и виновницею такой славной победы фрегат «Аврора», а я скажу, что, не будь Изыльметьева, Петропавловску не устоять. Это он, который вдохнул своим хладнокровием во всех уверенность, это он, который, несмотря на всегдашнюю скромность, в эти критические минуты прямо говорил губернатору, что надо сделать то и то, и что вот это и дурно; ему обязаны, что едва неприятель собьет батарею, а на другое утро она уже готова и еще устроена лучше прежнего; может быть, неприятель, видя все это, предполагал, что у нас гарнизону до 5 000, и, может быть, потому-то он и пошатнулся, когда партия с «Авроры», скрывая свою малочисленность горами и кустарником, крикнула со всех сторон «ура». Итак, неприятель отражен и отражен славно. Но только единому богу мы обязаны этим отражением, без его помощи оно было бы невозможно. Стоит только вспомнить, что этот неприятель – англичанин и француз, и притом еще вчетверо нас сильнейший, а кто видел, с каким порядком и знанием дела производилась высадка и вообще вся атака, тот еще более убедится, что милосердный бог был нашим заступником. После отражения неприятель отступил, и можно было надеяться, что он не повторит высадки, но что он отомстит за поражение страшною канонадой по городу и фрегату, в этом также нельзя было сомневаться, и мы готовились достойно встретить его, но 25-е и 26-е числа прошли покойно, и неприятель, стоя вдали от порта, все время продолжал исправление перебитого рангоута и такелажа; 27-го, утром, снова все суда начали сниматься с якоря, а у нас стали по орудиям, чтобы встретить по обыкновению незваного гостя. Суда снимались с якоря медленно, и был заметен недостаток людей, но все-таки никто не хотел думать,

чтобы они снимались для того, чтобы покинуть Петропавловск; возможно ли было предполагать, чтобы два адмирала таких наций, как Англия и Франция, с такими превосходными против Петропавловска силами, имели бы так мало гордости, чтобы отступить от какой-то деревушки, не причинив ей не только вреда, но еще сами потерпев страшное поражение? Как бы то ни было, неприятель снялся с якоря и направился к выходу в море; как ни было это очевидно, но оно так мало сообразовалось с нашими понятиями, что никто не хотел верить отступлению эскадры, однако ж она отступила, и скоро простыл и след ее. Итак, два адмирала пришли за 10 тысяч миль в деревушку, вроде той, в какой я стоял с ротой, бывши последнюю зиму в Кронштадте, и пришли только для того, чтобы потерпеть совершенное поражение от ничтожной горстки русских, ничтожной по числу, но громадной по своей высокой преданности государю и готовности пасть за него, но никогда не поступили бы так русские, если бы они были на месте неприятеля, они или победили бы, или пали сами.

Отступление неприятеля дает понятие о его потерях в последнюю высадку, и надо думать, что они еще значительнее, нежели, как мы предполагали, иначе неужели гордость этих двух адмиралов так мала, что они решились на отступление без особенно важной причины. Победа Петропавловска еще более утвердила во мне уверенность, что русские восторжествуют в настоящей войне. И действительно, если такой ничтожный порт, как Петропавловск, отразил двух адмиралов, что же должно ожидать от Кронштадта? Уверен, что первою почтой мы получим известие, что враг царя нашего опрокинут всюду. Если война продолжится до будущего года, то, верно, неприятель захочет попытать здесь снова счастья, но, надеюсь, мы встретим его еще лучше, нежели теперь, и, имея впереди целую зиму, устроим укрепления получше и прочнее тех, которые имели нынче, к тому же нет сомнения, что в будущем году пришлют нам подкрепления людьми и пушками, и тогда милости просим – незваные гости найдут достойный прием.

Фрегат наш, по необходимости, остается зимовать теперь в Петропавловске; наши повреждения так значительны, что едва ли мы успеем их скоро исправить, тем более что порт не имеет никаких средств и мы должны будем исправляться сами, как знаем: впрочем, если встретится надобность, наш славный капитан сумеет вместо месяца быть готовым в три дни; итак, наша зимовка еще зависит от случая, но вернее, что она будет в Петропавловске, и вы туда будете писать ко мне, только пишите чаще, это – единственная и самая большая радость. Я уверен, что не буду забыт не только тобою, бесценная маменька, но и никем из наших добрых родных, все они уделят минуту времени и порадуют меня хотя несколькими строками. Пиши мне больше о моих братьях, каждая мелочь о них теперь важна в глазах моих, и едва ли не самое худшее в моем теперешнем положении то, что едва в год раз, много два, я могу надеяться получить весточку о дорогих мне; теперь уже вот 7 месяцев, как я имел от вас последнее письмо, полученное в Рио, и только теперь могу надеяться получить от вас весточку; говорят, что на днях будет привезена сюда почта, привезенная уже из Аяна в Большерецк и

идущая сюда берегом, во избежание встречи с неприятелем. Если я получу ваше письмо до отправления этого, то сделаю приписку, но думаю, что должен буду отправить мое письмо раньше получения вашего, потому что посылаю его с курьером, едущим через два дня с донесением о нашем славном отражении неприятеля и поражении его при высадке. Курьером будет лейтенант князь Максутов 2-й, и хотя он послан только к Муравьеву, но, вероятно, то с ним же отправят донесение в Петербург. Надо ли говорить, как бы мне хотелось быть на месте Максутова, но эта честь ехать с донесением о победе принадлежит ему по справедливости: он более всех вынес огонь неприятеля и показал хладнокровие, которым мог бы гордиться всякий, и потому никто не оспаривает у него этого права, но я дорого бы дал, чтобы я мог заслужить это право и приобрести счастье, за свои заслуги, обнять мою дорогую мать, моих братьев, всех родных моих, но жребий войны не дал мне первой роли этой кровавой трагедии, и я покоряюсь судьбе; верно, она знает, что делать, и, может быть, я не был в силах и не имел бы способности и хладнокровия выполнить этой роли. Но нет, имея такой пример, как Иван Николаевич, я не мог бы быть малодушным и, верно, сумел бы свято исполнять долг свой, как, надеюсь, исполнял теперь все то, что выпадало на мой жребий. Итак, мне не суждено было быть столь счастливым, чтобы ехать обнять тебя, моя дорогая маменька. Верно, на это воля Божия, и покорюсь ей.

С каким нетерпением жду теперь почты, верно, она привезет мне не одно письмо, и, кроме того, она привезет и военные известия, а они должны быть не позже, как за май, и должны заключать много, много интересного для нас бедных, отделенных от родной нам России целыми океанами и, несмотря на это, еще более сочувствующих всему, относящемуся до нашей славной России, до нашего родного царя. Все мое письмо наполнено только известиями о войне и наших действиях, но думаю, что я не наскучил тебе; все это так близко касается меня, что, верно, желаешь знать малейшие подробности. В письмах к братьям и дядюшке (которые, впрочем, я, может быть, и не успею написать, потому что завтра, чуть свет, еду по службе верст за 40 и, может быть, не успею возвратиться до отправления курьера) я не стану описывать так подробно сражения Петропавловска, потому что, во-первых, нет времени, а, во-вторых, чтобы не повторять одного и того же, я буду просить тебя поделиться этим письмом с ними, и если братья не с тобой, то отошли его к ним. Писал я о сражении много, а позабыл написать имена неприятельских судов. Я их помещу в конце, а теперь и сам не все помню, надо будет справиться. Да еще для подробности об этом деле: надо прибавить, что вместе с нашим фрегатом стоял поперек входа в гавань и загораживал его собой транспорт «Двина», имея пять пушек; более никаких наших военных судов не было, а в самой гавани стояли еще два купца – американец и германец, незадолго пришедшие в Петропавловск с грузом и бывшие посторонними свидетелями этой неравной, но славной для нас борьбы. Теперь, кончив все, касающееся до военных действий, скажу, что в мирное время, т. е. когда еще не было неприятеля, жизнь наша в Петропавловске хотя была и не разнообразна, но не скажу, чтобы очень скучна, и хотя общества здесь почти нет, но то, которое есть, старается, сколько возможно, развлекать себя; собирались играть театр, и хотя неприятель помешал, но теперь, отразив его так славно, ничто не мешает снова за это взяться. Мы думали в честь годовщины нашего

ухода из Кронштадта, т. е. 21-го числа, сделать бал и уже сложились на него по 25 целковых, да по той же причине и бал не состоялся; да ничего, все успеем, зима будет велика. Итак, maman, видишь, что и здесь кое-как можно развлекать себя, и мы это делаем. Вот все, что я могу сказать о нашей здесь жизни.

Теперь, maman, я описал тебе все, и хотя еще хотел бы беседовать с тобою, но уже пора, давно полночь, а завтра рано еду. Прощай, моя милая, добрая, бесценная маменька, молю Бога о твоем здоровье и прошу тебя, когда получишь письмо это, мысленно благословить твоего сына, как бы он был перед тобою; я верю, что благословение матери и ее молитвы спасли меня в бою.

Петропавловск, 28 августа 1854 года.

Твой Константин